

**ВОЛНЕНИЕ НА ШИЛЬВИНСКОМ
МЕДЕПЛАВИЛЬНОМ ЗАВОДЕ
ПОДЪЯЧЕВА В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБ.
(1859 г.)**

№ 257

1859 г., ФЕВРАЛЯ 8.

**ОТНОШЕНИЕ И. Д. ОРЕНБУРГСКОГО ГУБЕРНАТОРА
Е. И. БАРАНОВСКОГО МИНИСТРУ ФИНАНСОВ А. М. КНЯЖЕВИЧУ
О ВОЛНЕНИИ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН ШИЛЬВИНСКОГО ЗАВОДА
В СВЯЗИ С ТЯЖЕЛЫМИ УСЛОВИЯМИ ТРУДА
НА ЗАВОДСКИХ РУДНИКАХ**

Мензелинский земский исправник вследствие отношения к нему от 20 минувшего января заводского исправника Троицких и других частных заводов донес мне, что крестьяне Шильвинского завода купца Подъячева, в числе 150 человек, находящиеся в горных работах в Зайшешминских рудниках Мензелинского уезда, по научению 7 человек рабочих, известных уже своим буйным и дурным поведением, самовольно оставили горные работы и разошлись по домам, выставляя причинами волнения малое жалованье, трудность работ и проч. Когда же горный приказчик начал уговаривать их оставить своеволие и заявить свои нужды заводовладельцу, то некоторые из них позволили себе в отношении к приказчику брань и угрозы нанести побои. Вследствие этого заводский исправник Фок предписал Шильвинскому заводууправлению означенных 7 человек, как главных зачинщиков этих беспорядков, вытребовать из рудников в ближайшую к ним временную Александровскую фабрику для того, чтобы подвергнуть их полицейскому испра-

¹ Департамент горных и соляных дел предписал отстранить управляющего К. И. Кокшарова от должности за жестокое обращение с рабочими, но владельцы завода старались его оставить под предлогом управления технической частью, выдав ему доверенность на управление, дающую более широкие полномочия. Только в 1861 г. он был окончательно снят и заменен другим лицом.

тягость работ была главной причиной жалоб рабочих, а потому я поставил себе первым долгом войти в самое подробное и внимательное рассмотрение справедливости этих жалоб на местах производства самих работ и смею уверить ваше высокопревосходительство, что, по произведенным мною исследованиям, большая часть этих жалоб оказалась совершенно справедливою и не подлежащею никакому сомнению.

Почти все заводское население, начиная с мальчиков, едва достигших 12 и 13 лет, и до стариков 60 и более лет, несет на себе всю тяжесть этих работ. Изувеченные на заводских работах, слепые, хромые, слабоумные рабочие, вопреки 1463-й ст. VII т. Свода законов, по силе которой заводчик обязан содержать таких людей на свой счет в богадельне, также не извлекают от занятий на заводах и рудниках. Самые жены рабочих противу их желанья и без всякой платы от владельца, вопреки неоднократным подтверждениям Уральского горного правления, часто посылаются на различные работы, как то к уборке сена, мытью полов и белья, собиранию ягод, грибов и проч.

В этом отношении самовольство владельца выходит из всяких границ потому, что, не довольствуясь обременением работами приписанных к заводу крестьян, он отдавал приписных крестьян, их жен и детей в заработки и услуги посторонним людям, большею частью своим родственникам, и хотя на сделанные ему вопросы он отвечал, что большая часть заводских людей жили в услугах у посторонних людей по собственному их желанью, но ответы его оказались, по произведенным нами исследованиям, совершенно ложными.

Обременяя крестьян работами, не выдавая вполне следующего им жалованья и провианта, отдавая из личных своих расчетов в услуги посторонним людям вопреки 464-й ст. VII т. Свода законов, владелец нисколько не заботился об участи своих людей, не имел и не имеет до сих пор, как постановлено 904-й ст. Уст. горн., примененной к частным заводам 1435 ст. того же Уст., заводской школы, в которой дети рабочих могли бы учиться грамоте, не отлучаясь от своих семейств, не имеет ни малейшего попечения о призрении больных и увечных, так что рабочие нередко умирали в землянках без всякого медицинского пособия. Только после отъезда начальника губернии и когда уже было начато временною комиссиею строжайшее исследование о злоупотреблениях владельца, он поместил в одной полуразрушенной и тесной избе несколько больных, устроив для них вместо кроватей деревянные нары, покрытые рогожами, причем больные оставались в том же платье, в котором работали в рудниках, и за это тесное и грязное помещение, не стоившее ему никаких расходов, взыскивал с них по 5 коп. сер. за каждый день, тогда как высшая плата, полу-

чаемая рабочими за дневной труд, составляет не более 3 коп. серебром. Все медицинские пособия, находившиеся у фельдшера, распорядившегося этой больницей, состояли из нескольких пузырьков и баночек с самыми общеупотребительными лекарствами, а пища, выдаваемая больным, состояла только из хлеба и кашицы.

Хотя эта жалкая лачуга вовсе не могла быть названа больницей, но все же могла служить рабочим для получения некоторого облегчения в маловажных болезнях или по крайней мере для отдыха, столь необходимого им при изнурении от тяжелой работы. К сожалению, в начале весны она была переведена в Александровский завод, поблизости которого начались работы в куренях, и оставшиеся на рудниках рабочие были лишены и этого небольшого пособия.

В обращении с рабочими при исполнении заводских работ владелец делает им беспрестанные притеснения, обиды и побои; примеру его следуют все приставники и надзирающие за работами нарядчики. В случае отзыва от работы по болезни, слабости и другим совершенно справедливым причинам — они наказываются беспощадно. Самая законная просьба принимается за противоречие и непослушание и вызывает со стороны владельца и его прислужников побои и даже увечье. К этому я должен сказать, что как сам владелец, так и его приставники, не имея ни малейшего понятия о горном и заводском деле, не могут руководить рабочими при выполнении горных и заводских работ, требующих долговременного навыка, и, по крайней мере, практических познаний, и потому не могут облегчить им этого труда применением общеупотребительных и всем известных правил, давно принятых на всех благоустроенных заводах и рудниках.

Для облегчения крепостных заводских людей постановлено 465-й ст. Уст. горн., чтобы заводчики распределяли их по работам таким образом, чтобы при отправлении оных находилась только всегда одна половина годных к работе, а прочие оставались при сельских своих занятиях. Постановление это вовсе не соблюдается на заводах Подъячева, где употребляют в работу не только все годные работники, но и малолетние, дряхлые и слабосильные. По объяснению владельца, он поступает так на том основании, что выдает рабочим и их семействам провиант и что они, не имея земель, не могут иметь и сельских занятий. Но это объяснение его также несправедливо потому, что постановлениями, изложенными в 1450 и 1451-й ст. того же Устава относительно продовольствия заводских людей, нисколько не отменяется выше приведенная 465-я ст. и притом, отдавая рабочему по 10 коп. ассигн. в день и по пяти или

вительному наказанию согласно горным узаконениям и заместить их в работу при самом заводе в отклонение влияния на прочих рабочих в рудниках. По прибытии на фабрику люди сии решительно отказались слушаться не только нарядчиков и приказчика, но и самого владельца завода, объявив притом, что они в настоящее время должны быть вольны и потому не позволят им наказывать себя, не будут работать на Александровской фабрике, а идут к товарищам в рудники. Затем, когда исправник чрез заводскую контору потребовал помянутых 7 человек в Шильвинский завод, они с дерзостью отвечали, что не слушаются исправника и не пойдут в завод, а прочие рабочие всей толпой кричали, что они их без себя не отпускают, а пусть исправник приедет сам и объявит свое приказание. Если он этого не сделает или захочет этих 7 человек взять, то пусть возьмет всех их, и если решится кого-либо наказать, то они приняли решительное намерение защищать себя, хотя бы это повлекло за собою уголовное преступление, и затем, выгнав приказчика и нарядчиков, оставили работы. В 18-е число января всей толпой самовольно уходили с рудника на целые сутки, неизвестно куда и зачем. Заводский исправник, не надеясь привести их в повиновение собственными распоряжениями, тем более, что между крестьянами заводов купца Полъячева и прежде обнаруживались возмущения против заводовладельца, просил содействия в этом мензелинского земского исправника с тем, чтобы последний прибыл в Александровскую фабрику с военной командой в числе 100 человек, но земский исправник, по невозможности иметь в своем распоряжении такую команду, представил об этом с нарочным на мое распоряжение.

Признавая, со своей стороны, лучшим средством для успокоения умов соблюдение в настоящем случае строгой справедливости как в отношении к крестьянам, так и к заводовладельцу, я поставил себе обязанностью принять личное участие в раскрытии причин первого волнения, происшедшего на горном заводе вверенной мне губернии, дабы исследовать настоящий случай во всей подробности и с полным беспристрастием в отношении той и другой стороны, так как ропот заводского населения на собственное положение и вследствие сего возникающие случаи неповиновения его местному управлению нередко имеют причину беспорядки по заводууправлениям. Впрочем, отправляясь в завод купца Подъячева для восстановления между крестьянами должного повиновения, я признал необходимым единственно на случай безуспешности кротких мер для содействия мне назначить в Александровскую фабрику военную команду и вследствие сего предложить командиру линейного Оренбургского № 10 батальона назначить немедленно в мое распоряжение 25 человек мензелинской инвалидной

шести пудов провианта в месяц на все семейство, он вовсе не вознаграждает его за отнятое у него время.

По собранным нами сведениям, пуд провианта в настоящее время не обойдется владельцу дороже 25 или 30 коп., следовательно, весь провиант, выдаваемый на рабочего с семейством, средним числом будет стоить от 1 р. 50 к. до 2 р. 80 коп. в месяц; за 25 рабочих дней он выдает не более 75 коп. сер., следовательно, рабочий не получит в месяц и 3 руб. сер. По положению Шильвинского завода, вблизи судоходной реки и хлебных запасов, тот же рабочий может заработать повально в течение месяца до десяти и более рублей серебром, принимая в расчет также среднюю цену местных заработков. Следовательно, объяснение владельца, что, выдавая рабочим провиант и жалованье, он вполне обеспечивает содержание как их самих, так и их семейств, вовсе несправедливо потому, что это мнимое обеспечение никак не может вознаградить за отнимаемое у них время и те выгоды, которые они могли бы приобрести от вольной заработной платы.

Местное расположение жилищ рабочих на чужих землях, без всякого права владения этими землями со стороны заводчика, еще более отягощает положение рабочих. Ни в одном из принадлежащих владельцу заводов и рудников рабочие не имеют клочка земли, необходимой им для покосов и выгонов. Необходимое для прокорма скота сено они должны или покупать на свой счет, или ставить его на чужих покосах, платя за это владельцам покосов деньги из своего скудного жалованья. Точно таким же образом они поступают при поставке дров, покупая их у соседних крестьян или вырубая их в крайнем случае в чужих дачах, за что подвергаются неза заслуженным побоям и преследованиям от лесной стражи. В объяснениях своих о причинах бедственного положения крестьян владелец всего чаще опирался на это обстоятельство, как на главное и существенное препятствие к улучшению их быта. Но если, с одной стороны, и можно согласиться, что неимение лесных и сенокосных угодий не может быть поставлено в вину владельцу потому, что от него не зависит, то с другой — оно несколько не оправдывает его в тех злоупотреблениях, которые раскрыты произведенными нами исследованиями.

Что касается до обвинения крестьян в неповиновении и явном возмущении, возводимом на них владельцем и его приказчиком и повторенном горным исправником Фоком без всякого, впрочем, личного его удостоверения в справедливости этого обвинения, то, по произведенному нами тщательному и строгому исследованию, оно оказалось вовсе несправедливым. Работавшие с января месяца на Зайшешминских рудниках, в числе 150 человек, крестьяне действительно жаловались в

14-е число января приказчику Матвееву на тягость работ и просили его для облегчения урока при откатке руд и горных пород из Мысовской штольни прибавить на артель одного мальчика. При этом, как оказалось по допросам всех бывших в это время на рудниках людей, не было оказано рабочими никакого буйства и неповиновения приказчику Матвееву, а только заявлена общая жалоба рабочих на тягость уроков и просьба об облегчении работ. На эту просьбу Матвеев отвечал рабочим, что сам он без воли владельца не может облегчить работ, но если рабочие не могут выработать заданного урока в один раз, то пусть выходят обедать и потом оканчивают урок после обеда. До этого времени рабочие не выходили из горы до окончания урока и обеды в горных выработках. Когда крестьяне вследствие отзыва приказчика вышли из рудника и расположились обедать, то он приказал нарядчикам убрать из горы свечи и масло, выдаваемое для освещения подземных работ, и не велел в этот день пускать рабочих в гору, а сам отправился в Шильвинский завод к владельцу, где и подал ему донесение о неповиновении крестьян и отказе их идти на работу. Между тем рабочие, окончив свой обед, отправились снова в гору, но здесь объявили им нарядчики, что им работы давать не приказано и что свеч и масла в рудниках нет. Таким образом, в этот день с обеда и до вечера крестьяне остались без работы, и, предвидя, что приказчик поступает таким образом с явным намерением обвинить их в неповиновении, они отправились в село Акташ, где и заявили старшему священнику Исааку Миролубову как о происшествии, случившемся в этот день, так и о причинах, побудивших их просить Матвеева о сбавке урока. Между тем, двое из них отправились с просьбою к горному исправнику в Троицкие заводы г. Бенардаки, расположенные за 200 верст от Зайшешминских рудников. На этих заводах находится постоянное местопребывание заводского исправника; в этой просьбе изложены были все делаемые им от владельца и его приказчика и нарядчиков обиды и притеснения, и в ней они убеждали исправника войти в рассмотрение бедственного их положения и оказать им законную и справедливую защиту и покровительство. По прибытии в Троицкие заводы они не нашли уже там горного исправника Фока, выехавшего в Шильвинский завод; оставили свою просьбу в полиции и возвратились домой. На обратном пути один из просителей, крестьянин Яков Иванов, был заключен по распоряжению горного исправника в Мензелинский острог, где впоследствии времени приносил жалобу действительному статскому советнику Барановскому и объяснил ему как о самом происшествии, случившемся 14 января, так и о претерпеваемых ими от заводовладельца обидах и притеснениях. Впослед-

команды при обер-офицере и отправить 50 человек из заведываемого им 10-го батальона, также при обер-офицере, на подводах.

Прибыв в г. Мензелинск и осматривая тюремные помещения, я встретил здесь присланного из Шильвинского завода исправником Фоком крестьянина Якова Иванова, одного из 7 человек, бывших будто бы зачинщиками происшедшего в рудниках беспорядка. Крестьянин Иванов показал мне, что они ослушания против заводского начальства никогда не делали, а что описанный выше случай происходил следующим образом: в рудниках ежедневно большой урок работы в главных штольнях, служащих для откатки руды, состоит в том, чтобы выломать породы на 12 вершков в гору, 3 аршина шириною по стене и 10 четвертей в высоту, что равняется 360 кубич. четвертям; откатить всю пустую породу (так как закатей очень мало) на расстоянии от 200 до 250 сажен по чрезмерному углублению работ в гору; отобрать руду; подвести баганы и поставить укрепление подкопа. Малый же урок, собственно для добычи руды, состоит совершенно в том же, с тем различием, что разработка ведется только в 5 или 6 четвертей высотой и что укрепление подкопа не требуется. Большой поденный урок исполняет один кайловщик, два откатальщика из полных работников и один подросток из мальчику 12, а иногда 8 и 9-летнего возраста. Люди эти одну неделю исполняют большой урок, а другую малый. Получая за столь трудную и обременительную в высшей степени работу от заводовладельца только по 3 коп. сер. в день и провиант и доведенные им до совершенного изнурения, они были, наконец, вынуждены просить горного приказчика прибавить им для исполнения большого урока одного подростка. Горный приказчик просьбу эту в уважение не принял и не дал даже свеч и масла для работ и освещения галлерей. Это продолжалось два дня, и люди по этой причине на работы действительно не выходили. К тому крестьянин Иванов присовокупил, что когда приказчик отказался исполнить ходатайство крестьян, то они, избрав его и крестьянина Анисима Губанова, отправили с просьбой в Троицкий завод к г. исправнику, которого встретили уже в Александровской фабрике, откуда он, Иванов, по распоряжению г. Фока и был отослан в Мензелинск для заключения под стражу.

Прибыв из Мензелинска в Шильвинский завод, я нашел только 5 человек рабочих и не более 10 человек совершенно дряхлых и неспособных к службе стариков; прочие же все люди, в числе 200 человек, находились в рудничной работе, хотя на основании 465-й ст. т. VII Уст. горн. половина их и должна была находиться в заводе при сельских своих занятиях.

Все работавшие в рудниках люди были собраны по приезде

моем в Александровскую фабрику. Единогласно, как и Яков Иванов, названные заводским начальством зачинщиками, крестьяне Семен Емельянов, Лаврентий Углинков, Алексей Куротин, Степан Сидоров, Павел Кузьмин и Анисим Губанов, отрекаясь от выведенного на них заводоуправлением и исправником обвинения, показали, что и к объясненной выше их просьбе вынудила совершенная крайность и что исправник в рудниках сам никогда не был. Это же самое подтвердили все другие крестьяне, жалуясь на стесненное их положение и выставляя виною сему заводовладельца и приказчика.

Подвергнув зачинщиков исправительному наказанию за слушание, оказанное ими противу исправника, требовавшего их в Шильвинский завод для разбирательства принесенной ему крестьянами жалобы, я в то же время, для соблюдения в этом деле строгой справедливости, почел нужным лично войти [в] разбирательство положения крестьян и открыл, что Зайшешминские рудники, как сказано и выше, отстоят от Шильвинского завода на 80 верст. В самом заводе поселены лишь одни семейства крестьян и не более 15 человек рабочих на фабрике, из которых 10 человек совершенно уже дряхлых и неспособных стариков. Прочие все крестьяне, начиная с мальчиков 8 и 9-летнего возраста, работают в рудниках постоянно, бывая в домах своих в течение целого года не более трех раз; так, например, на два или на три дня в рождество христово, в святую пасху и в страдное время, которого им дается 20 дней, считая в это же число 6 дней, употребляемых ими на проход с рудников до завода и обратно. Помещение для крестьян в рудниках устроено в тесных и душных землянках, так что люди после дневной работы в подземных и сырых галлереях, возвращаясь из них, не имеют даже насколько-нибудь сносного приюта, в особенности столь нужного и необходимого в зимнее время. Печей для приготовления пищи в землянках этих нет, и крестьяне пекут хлеб в соседственной деревне, отстоящей от рудников на 3 версты, платя за это от себя деньги. Питаясь лишь хлебом и водою, не получая ни приварка, ни мяса для поддержания сил, истощаемых столь трудною работою, как в рудниках, и согреваясь в зимнее время похищаемыми в чужих дачах дровами, крестьяне, имеющие и весьма плохую собственную одежду, с первого взгляда на их слабый и изнуренный вид дают уже полное понятие как о том тяжелом труде, который составляет единственное их в течение всей жизни занятие, так и о скудности средств в их домашней жизни, что само по себе составляет уже не малое лишение, убивает совершенно и силы и дух человека.

При таком образе жизни болезни развиваются постоянно, но крестьяне Шильвинского завода в этом отношении заслу-

ствии времени Яков Иванов, вытребованный для допросов временным отделением Мензелинского земского суда, был жестоко наказан владельцем за оказанные им будто бы грубость и непослушание, заключен в оковы и отправлен заводчиком в елабужскую городовую тюрьму. Это самоуправство владельца, причем он хотел быть судьей в собственном деле и превысил власть, предоставленную ему законом, показывает явное неуважение его к постановленным властями указаниям потому, что Иванов был вытребован для допросов не им, а Временным отделением, назначенным для формального исследования как поступков крестьян, так и самого владельца. Приказчик Матвеев, отправившись вечером 14 января в Шильвинский завод, подал там владельцу объявление о непослушании крестьян, а владелец представил его горному исправнику Фоку, прибывшему уже в Шильвинский завод. Последний, вместо того, чтобы отправиться на рудники и личными своими распоряжениями восстановить нарушенный порядок, дал предписание заводской конторе вытребовать шесть человек крестьян, оказавшихся будто бы зачинщиками возмущения, и наказать их в Александровском заводе.

Исполнение этого поручения было возложено на письмоводителя его, крестьянина Троицких заводов Трунина, и на того же приказчика Матвеева, сочинителя донесения о небывалом возмущении. Оба эти доверенные, один от владельца, другой от горного исправника, оказались раскольниками и впоследствии времени при допросах отпирались от собственных своих слов, были избличаемы неоднократно в лживости их показаний и потому не заслуживают доверия по разуму существующих узаконений.

Кроме того, крестьянин Трунин при допросах оказал дерзость в отношении ко мне и г. Тимашеву и вовсе не хотел давать ответов без присутствия горного исправника, и только после объяснения моего, что, будучи командирован вашим высокопревосходительством вследствие высочайшего повеления, я имею полное право допрашивать не только его, [а] и самого горного исправника, он согласился отвечать на данные ему вопросы.

На другой день Трунин и Матвеев приехали в Александровский завод, куда и были вытребованы шесть человек крестьян, названных зачинщиками возмущения, а на 3 день, 16 января, им было прочитано предписание горного исправника, в котором назначена была мера наказания, определенного каждому из них. При этом объявлении распоряжения исправника находился сын владельца, приказчик Матвеев, Трунин, крестьяне, обвиняемые в непослушании, и один государственный крестьянин. Обвиняемые по выслушании предписания

отвечали, что они просили горного исправника оказать им защиту против обид и притеснений владельца и тяжкого обременения работами, превышающими их силы, а горный исправник, не выслушавши их оправданий, не убедившись в справедливости их жалоб, не бывши вовсе на рудниках, а полагаясь только на уверения владельца и его приказчика, назначил им уже меру наказания, а потому, не считая себя вовсе виновными и заслуживающими этого наказания, они не позволили себя наказывать и в тот же день возвратились на рудники. Сын владельца, приказчик Матвеев и письмоводитель исправника Трунин показали, что крестьяне при этом оказали явное неповиновение и буйство, но эти показания их не могут быть признаны за доказательства потому, что сын владельца не может быть свидетелем в пользу отца и притом, по уверению самого владельца, он находился в Александровском заводе случайно и не имел никакого участия в управлении заводом и рудниками. Показания Матвеева и Трунина также не имеют полной доверенности потому, что на обоих их падают довольно тяжкие обвинения за сделанные ими в этот и последующие дни незаконные поступки, и притом оба они раскольники, не имеющие права быть свидетелями и обвинителями.

Через два дня после этого происшествия, в 18-е число января, горный исправник прислал своего письмоводителя на Зайшешминские рудники и требовал снова тех же 6 человек крестьян в Шильвинский завод, на что они отвечали, что они уже были вызываемы в Александровский завод, куда обещался приехать горный исправник и разобрать их просьбы и жалобы, но обещания своего не исполнил. При этом они говорили Трунину, что сомневаются в справедливости его слов и не верят, чтобы в Шильвинский завод их требовал исправник, а полагают, что все это проделки Трунина и Матвеева, и потому решительно отказались исполнить требование исправника, в чем поддерживали их и прочие крестьяне. За это слушание означенные шесть человек были наказаны в Александровском заводе в присутствии всей рабочей команды, вызванной туда по распоряжению действительного статского советника Барановского, как известно вашему высокопревосходительству из представления его от 8 февраля за № 726¹.

Вообще должно сказать, что в происшествии 14 января и последовавших за тем беспорядках Матвеев и Трунин были главными распорядителями; сам владелец скрытно руководил их действиями, а горный исправник Фок был только исполнителем их замыслов, придуманных довольно хитро, но исполненных очень дурно. Крестьяне в этот и последующие дни

¹ См. документ № 257.

живают еще более сожаления потому, что больниц в заводах нет; больные остаются без всякого призрения; нередко, что доказано на деле, вместо больницы отправляются владельцем, по неизвестным причинам, в рудничную работу.

В нарушение 307, 336, 343 и 465-й ст. т. VII Уст. горн. шильвинские крестьяне без различия, как способные, так и неспособные, даже дряхлые и увечные, вообще все, а не наполовину, работают в рудниках. По выслуге установленных лет крестьяне в отставку не увольняются, но в то же время, когда уже рабочий ни по летам, ни по здоровью не способен к службе, определяется в рудниках в разные работы. Главный надзор в рудниках за распределением и исполнением работ возложен заводчиком на приказчика, который и определен им вопреки распоряжений правительства из раскольников. Обращаясь сурово с крестьянами и не входя нисколько в нужды и потребности их, приказчик нередко подвергает состоящих в его ведении людей незаслуженным наказаниям, когда рабочий, уже вынужденный крайностью положения своего, жалуется на свои недостатки. Лучшим доказательством враждебного расположения приказчика к крестьянам, как раскольника к православным, служит следующее обстоятельство: рабочие в управление других приказчиков получали время для исполнения христианских обязанностей; по определении же в должность настоящего это отменено.

Средний дневной урок, исполняемый полным работником, состоит в выломке 260 куб. четверт. рудного камня или откатке на поверхность земли на расстоянии более 200 саж. 145 куб. четверт. породы, тогда как по урочному положению, представленному заводовладельцем и не имеющему по подчисткам и поправкам в нем несомненной достоверности, полный рабочий должен выработать в день никак не более 180 куб. четверт. или откатить 166 куб. четверт. на расстоянии 120 саж. Независимо от этого, крестьяне, занимающиеся откаткой, должны отобрать руду от пустой породы и поднести со двора для укрепления галлерей потребное количество деревянных стоек.

Труд этот, увеличенный по произволу владельца более нежели наполовину из одних лишь личных выгод его, купец Подъячев вознаграждает жалованьем вместо назначенных горными правилами $3\frac{1}{4}$ коп. сер. в день только 3 коп. и провиантом, выдаваемым не всегда к тому же в полном количестве. Более владелец для крестьян не делает ничего, и они затем все домашние свои потребности исполняют уже на свой счет.

Таким образом, жалоба крестьян на стеснительное их положение со стороны заводовладельца и ходатайство их о прибавке исполнителей урока, по чрезмерному увеличению

сего последнего, подтвердилась вполне. Поставляя себе в обязанность впредь до распоряжения г. главного начальника горных заводов хребта Уральского на месте же сделать распоряжение об облегчении участи шильвинских крестьян, я от 31 января и 1 сего февраля дал предписания исправнику Троицких и других частных заводов Фоку: 1) о причинах увеличения работ против урочного положения и о неправильном и несвоевременном зачислении в оные заводских крестьян; 2) о немедленном пополнении заводчиком Подъячевым магазинов недостающим в них количеством хлеба; 3) о наблюдении за производством, впредь до распоряжения г. главного начальника, рудничных работ; 4) о личном наблюдении за тишиною и спокойствием в Шильвинском заводе и рудниках и хозяйственным управлением оных, и в это же время приказал г. Фоку уволить горного приказчика от должности, так как дальнейшее распоряжение этого человека крестьянами было бы вредным и легко могло бы снова повлечь какие-либо неудовольствия.

Поручив по всем изложенным выше обстоятельствам временному отделению Мензелинского земского суда при горном исправнике и командированных мною в состав этого Присутствия чиновнике особых при мне поручений и штаб-офицере Корпуса жандармов произвести об слушании крестьян заводскому исправнику и о злоупотреблении предоставленной заводчику Подъячеву властью формальное исследование, имею честь почтительнейше донести об этом вашему высокопревосходительству на основании II т. Свода законов, общ. губерн. учрежд., изд. 1857 г., ст. 581 и доложить, что, приняв меры к сохранению спокойствия на заводах Подъячева по возложенной на меня 357-й ст. обязанности, я о распоряжениях своих сообщил вместе с сим г. главному начальнику заводов Уральского хребта, ожидать распоряжений которого по отдаленности его местопребывания от заводов Подъячева (961 верста) не имел никакой возможности. Вместе с тем долгом считаю представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства копию со всеподданнейшего моего рапорта его императорскому величеству по сему делу¹, докладывая, что заводовладелец Подъячев при личном разбирательстве моем происшедшего в рудниках его беспорядка предъявил мне предписание вашего высокопревосходительства о прибытии в С.-Петербург для участия в Комитете об улучшении быта заводских крестьян или о назначении для сего вместо себя поверенного. Считаю пребывание Подъячева на рудниках крайне необходимым как для обеспечения крестьян в средствах продовольствия, так и для сохранения между рабочими спокойствия, имею честь покор-

¹ То же дело, л. 14—27.

вели себя гораздо благоразумнее; они, как я сказал уже, заявили обо всем священнику села Акташ, пользующемуся и по своему сану и по личным своим достоинствам общим уважением. Впоследствии времени он отвечал нам письменно, что крестьяне действительно объявляли ему о происшествии, случившемся на рудниках, и о претерпеваемых ими притеснениях. В просьбе, принесенной крестьянами горному исправнику, заявлялось то же самое; все эти документы вошли в дело и могут служить к оправданию крестьян в сделанных ими в эти дни поступках. Напротив того, ничто не может оправдать владельца и его приказчика в жестоком обращении с крестьянами и разных злоупотреблениях, послуживших поводом к этим происшествиям. Ничто также не может оправдать горного исправника Фока за неблагоразумие и недальновидность, выказанные им в это время, и за ложные донесения, сделанные им начальнику Оренбургской губернии и главному начальнику заводов Уральского хребта.

Если бы горный исправник, следуя своему долгу, сам отправился на рудники и вошел в положение рабочих, то он вполне удостоверился бы как в справедливости жалоб крестьян, так и в том, что он напрасно опасался небывалого возмущения; несколько часов, проведенных на руднике и посвященных им тщательному и беспристрастному исследованию происшествия, было бы достаточно для восстановления порядка и внушения владельцу и рабочим их законных обязанностей. Тогда он убедился бы, что вовсе не нужно было требовать вооруженного содействия местных властей и оглашать неважное в своем начале происшествие на всю губернию.

Изложив в этом донесении моем краткий очерк положения шильвинских крестьян и злоупотреблений их владельца, обнаруженных произведенными нами исследованиями, я должен присовокупить, что самое производство этих исследований было сопряжено с большими затруднениями по независящим от нас причинам. Владелец и его приказчик — с одной стороны, обвиняли крестьян в неповиновении, а с другой — крестьяне, начиная с мальчиков, едва достигших 12-летнего возраста, но уже находящихся в тяжелых работах в рудниках, и оканчивая престарелыми и увечными, жены рабочих и дети их, все, кого только приходилось спрашивать по ходу дела, обвиняли владельца в невыносимых притеснениях. Употребив более трех месяцев на разбирательство этих жалоб и обвинений и не видя им конца, мы принуждены были ограничиться исследованиями только таких частных жалоб, которые казались нам более важными и которые представляли более вероятия и положительных доказательств. Менее важные жалобы, не представлявшие достаточных оснований и доказа-

тельств, по давности их, неимению свидетелей и прочим причинам мы вынуждены были оставить без всякого разбирательства, не имея на то ни времени, ни возможности. Впрочем, все главные просьбы крестьян, настоящее их положение и жалобы владельца на стесненное положение его, в неимении лесов и прочих угодий, введены в дело с достаточною подробностью.

В заключение я считаю долгом сказать, что в то же самое время, когда мы производили порученное нам исследование на рудниках, в конце минувшего марта по распоряжению главного начальника обозревал их уральский берг-инспектор полковник Стрельман, и последствия его обозрения были сообщены нам Уральским горным правлением вследствие нашего отношения. Меры, предлагаемые полковником Стрельманом для предупреждения на будущее время злоупотреблений и беспорядков как со стороны владельца, так и его крестьян, принятые Горным правлением¹, без всякого сомнения, должны иметь самые благодетельные последствия для крестьян, особенно та, которою вновь назначенный горный исправник обязывается иметь постоянное местопребывание на Александровском заводе для наблюдения за действиями владельца и его крестьян. Но все эти меры, по личному моему убеждению, не могут быть в точности приведены в исполнение до тех пор, пока не будет устранена главная причина всех злоупотреблений и беспорядков, именно сам владелец, который, при своей недобросовестности и изворотливости, всегда найдет средства притеснить крестьян, в особенности теперь, когда он в высшей степени озлоблен на них вследствие принесенных ими жалоб и строгого, но вполне законного исследования его поступков.

Это убеждение мое я основываю на тщательном изучении быта шильвинских крестьян, местных условий и отношений владельца к его крестьянам, соседним жителям и местным земским властям, с которыми он находится в постоянном разладе, ссорах и тяжбах, и, надо сказать по справедливости, что большая часть вины в этих ссорах и тяжбах падает на него, хотя не всегда бывают правы и его противники. Вообще можно сказать, что с его беспоконным характером и наклоностью к ябедничеству он не только не может и не должен управлять судьбою подчиненных ему людей, но и сам должен быть подвергнут строгому и постоянному наблюдению со стороны установленных законами властей и общества.

До окончания судебного рассмотрения произведенного нами следствия он, конечно, не может быть лишен вовсе своих владельческих прав и столько же может рассчитывать на покровительство закона, как и угнетенные им крестьяне, но это судеб-

¹ То же дело, л. 239—297.

нейше просить ваше высокопревосходительство приказать уведомить об этом Комитет, который все необходимые для него сведения о заводах Подъячева может истребовать от заводского исправника или же от меня.

Исправляющий должность гражданского губернатора

Е. Барановский.

ЦГИАЛ. ф. 37, Горный д-т, оп. 5, д. 590,
л. 3—13.

№ 258

1859 г., АВГУСТА 3.

**ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ЧЛЕНА СОВЕТА КОРПУСА
ГОРНЫХ ИНЖЕНЕРОВ Л. А. СОКОЛОВСКОГО¹
МИНИСТРУ ФИНАНСОВ А. М. КНЯЖЕВИЧУ О РЕЗУЛЬТАТАХ
ПРОИЗВЕДЕННОГО ИМ РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛУ О ВОЛНЕНИИ
ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН ШИЛЬВИНСКОГО ЗАВОДА**

...Заводы и рудники, принадлежащие купцу Подъячеву, приобретены покупкою предками настоящего владельца и находятся в Мензелинском округе Оренбургской губернии. Шильвинский завод находится в 54 верстах от города Мензелинска, на реке Шильве, в 4 верстах от впадения ее в Каму. В настоящее время в нем уже не производится плавки медных руд, а только одна перечистка черной меди на шплейсофенале и разлив чистой меди в штыки, а самая плавка руд производится в Александровском заводе, устроенном в недавнее время на земле, принадлежащей наследникам помещика Скарянина, у которых Подъячев откупил только несколько десятин земли, необходимой для помещения небольшой плавильной фабрики, плотины, мукомольной мельницы и двух или трех избушек для помещения рабочих. Александровский завод находится в том же Мензелинском округе, в 70 верстах от Шильвинского завода и 25 верстах от Зайшешминских рудников; в 10 верстах от него находится рудник Нератовский, принадлежащий также Подъячеву. Побудительные причины, заставившие Подъячева перенести плавку руд из Шильвинского завода в Александровский, были близость разрабатываемых им в настоящее время рудников и отведенных ему в последнее время лесных участков, также не далее 8 или 10 верст. Но, устраивая новый завод на чужой земле, у владельца которой он откупил только несколько десятин для постройки плавильной фабрики и плотины, он вовсе не позаботился о помещении приписанных

¹ Полковник Соколовский был командирован министром финансов вместе с чиновником особых поручений при оренбургском и самарском генерал-губернаторе А. К. Тимашевым расследовать причины волнения шильвинских мастеровых (то же дело, л. 90).

к заводу крестьян. Поэтому большая часть рабочих при заводе, как и на рудниках, не имеют ни зимой, ни летом почти никакого пристанища и живут по большей части или в небольших тесных избушках или в землянках и шалашах, ими самими устроенных.

В самом Шильвинском заводе, существующем уже более ста лет, хотя и есть несколько домов, принадлежащих приписным крестьянам, но и они находятся в полуразрушенном состоянии за неимением у рабочих леса для поправки и времени, необходимого для их поддержки. Исключая нескольких дней великого поста, святой пасхи, праздников рождества Христова и 20 дней страдного времени, рабочие все остальное время находятся в отлучке в рудниках, куренях и прочих местах, в постоянном удалении от их семейств и домов и потому при весьма скудном их содержании и беспрестанных переходах с одного места на другое не имеют ни малейшей возможности улучшить свое положение.

Положение рабочих на рудниках еще хуже, чем в заводах. Здесь уже нет никаких помещений, кроме землянок, вырытых в отклоне горы, вмещающей рудные пласты. Самые рудники, состоя из горизонтальных, весьма тонких пластов окисленных медных руд, имеют среднюю толщину не более одной четверти или полуаршина и содержат руду, дающую средним числом не более двух пудов меди из ста пудов руды.

Из числа 388 душ, состоящих при Шильвинском заводе по последней ревизии, на Зайшешминских рудниках постоянно находятся в работе около 150 человек с начала сентября до конца марта месяца. Все они, исключая несколько человек нарядчиков и смотрителей за работами, зиму и лето живут в землянках, не имеют другой пищи, кроме хлеба и воды, и порядочной одежды. Владелец не позаботился даже о том, чтобы рабочие имели возможность печь на рудниках выдаваемый им хлеб, и потому они готовят его в ближайших деревнях, за что платят от себя по 10 коп. ассигн. с пуда, что составляет высшую плату, выдаваемую рабочим за дневную работу в рудниках.

Хотя по штатам, высочайше утвержденным для Пермских заводов в 1829 году¹, которые по распоряжению Уральского горного правления даны владельцу для руководства при производстве горных работ и выдаче рабочим провианта и жалования, заводчик обязан выдавать за дневную работу кайловщика, добывающего руду, не менее 12 коп. ассигн., но он выдает им только по 10 коп. Плата старикам, малолетним и слабосильным работникам еще менее: они получают от 7 до 3 коп. ассигн. в день. В случае болезни рабочего с него вычитают каж-

¹ ЦПСЗ, № 2889 и 2890.

ное рассмотрение, вероятно, скоро будет окончено, и тогда представится возможным устроить судьбу шильвинских крестьян на лучших и более человеколюбивых основаниях, а между тем до окончания судебного решения необходимо принять строгие и деятельные меры, чтобы владелец не мог более притеснять своих крестьян и мстить им за принесенные ими жалобы. В этом отношении мера, предполагаемая уральским берг-инспектором полковником Стрельманом и состоящая в том, чтобы горный исправник, находясь постоянно в Александровском заводе, строго наблюдал как за исполнением работ, так и за действиями владельца, есть мера, по моему мнению, необходимая и самая действительная для ограждения крестьян от притеснения владельца и побуждения рабочих к исполнению их законных обязанностей.

Полковник Соколовский.

Помета директора Департамента горных и соляных дел: *Докладывано господину министру финансов 6 августа 1859 г., причем его высокопревосходительству угодно было приказать войти немедленно в ближайшее соображение, не нужно ли устранить от управления Шильвинскими заводами Подъячева, т. к. дальнейшее его на оных пребывание может иметь гибельные, по удостоверению полковника Соколовского, последствия*¹.

Директор Гернгросс.

ЦГИАЛ, ф. 37, Горный д-т, оп. 5, д. 590,
л. 319—339.

¹ Распоряжением министра финансов от 13 августа 1859 г. заводы купца Подъячева были взяты в опекуновское управление (то же дело, л. 424).

Комитет министров 10 ноября 1859 г. постановил выслать купца Подъячева, «дальнейшее пребывание которого на заводе может быть вредно и даже опасно для общественного спокойствия», в г. Пинегу, Архангельской губ., и учредить там над ним строгий полицейский надзор (то же дело, л. 457—458).

Однако Подъячев сумел из Елабуги скрыться и подал ряд прошений Александру II и в Сенат об освобождении Шильвинского завода от опеки и разрешении ему вернуться в Оренбургскую губ.

14 июня 1862 г. последовало утвержденное Александром II мнение Государственного совета о снятии опеки, а 4 апреля 1863 г. им же утверждено постановление Комитета министров об освобождении Подъячева от полицейского надзора и разрешении ему вернуться в Оренбургскую губернию, где, по мнению министра финансов, «его присутствие должно было служить к восстановлению правильного действия завода и тем самым подать надежду к уплате состоящих на заводе долгов» (то же дело, л. 547).

дый день почти вдвое более того, что он получает. Так, например, с получающего за работу по 10 коп. ассигн. в день вычитают за каждый день, который он пробудет больным и пролежит в землянке без всякого со стороны владельца пособия, по 5 коп. сер. Таким образом, рабочий, который в течение месяца будет в работе 10 дней, получит всего 1 руб. ассигн., а за другие 10 дней, которые он пролежит больным, с него вычтут 50 коп. сер., так что в конце месяца он останется должным 75 коп. ассигн. Следовательно, владелец вместо того, чтобы выдавать рабочему половину жалования во время его болезни, как постановлено 319-й ст. VII-го т. Свода законов, примененной ст. 1457 к частным заводам, вычитает с него вдвое против того, что он получает, и притом не дает ему ни больницы, ни медицинского пособия.

Выдача провианта производится неполне, как бы следовало по 316-й ст. Уст. горн., примененной 1451-й ст. к частным заводам. Пожилые и слабосильные работники, не будучи в состоянии вырабатывать назначенных заводчиком уроков, получают только по 1 п. 20 ф. или 1 п. 30 ф. провианта вместо двух, а дочерям рабочих выдается провиант только до 10 или 12 лет, вместо того, чтобы выдавать им до 18-летнего возраста, как следует по закону.

Что касается до запасов провианта на заводах и рудниках, то в марте месяце находилось во всех магазинах до 15 тыс. пудов провианта, и хотя большая часть его хранилась в Шильвинском заводе, а на рудниках и в Александровском заводе было не более 2 т. пуд., но общий запас провианта был достаточен для продовольствия рабочих, по крайней мере до следующей зимы или до нового его заготовления.

При назначении рабочих к различным занятиям в рудниках и определении количества работы не соблюдаются урочные положения и правила, данные владельцу для руководства при производстве этих работ. В этом отношении, несмотря на неоднократные подтверждения Уральского горного правления, последовавшие вследствие жалоб рабочих, владелец соображается только с личными своими выгодами и расчетами, взыскивая дневные уроки работ по добыче и откатке руд вдвое более против положенных штатами. Так, например, по урочному положению, высочайше утвержденному в 1829 году для Пермских заводов и данному в руководство для Шильвинского заводоуправления, один полный рабочий должен вырабатывать в 250 рабочих дней 21 саж. 2 арш. и 2 вершка кубической меры рудной массы, что составит по расчету на один день 165 куб. четвертей, а в рудниках Подъячева полный кайловщик вырабатывает 360 кубических четвертей или слитков вдвое против урочного положения.

Хотя на данные владельцу по этому предмету вопросы он и объяснил, что рабочие исполняют этот урок только в течение одной недели, а на следующую исполняют урок более легкий, но это объяснение его не может быть принято в уважение потому, что, исполняя в течение одной недели урочную работу, превышающую слишком в два раза штатное назначение, рабочие на следующую неделю должны быть вовсе освобождены от всякой работы. По распоряжению г. главного начальника Уральских заводов в конце марта горный инженер подполковник Стрижев производил тщательные опыты выработки рудной массы, и привезенные им мастеровые с Пермских заводов не могли выработать того урока, который ежедневно взыскивается с рабочих в Зайшешминских рудниках. Вообще по произведенным подполковником Стрижевым опытам уроки, взыскиваемые с рабочих на рудниках, оказались значительно большими как по сравнению с штатным положением, так и по опытам, им произведенным.

Кроме добычи руд, и другие горные работы, как то: доставка руды на поверхность рудника, укрепление подземных выработок и проч. взыскиваются с рабочих в таком размере который не соответствует ни существующим на этот предмет постановлениям Уральского горного правления, ни физическим силам и возрасту рабочих. Так, например, два взрослых рабочих и один мальчик выкатывали из Мысовской штольни в 250 рабочих дней 45 куб. саж. или 56 700 пуд. породы и руды, или, рассчитывая на один день, полный работник выкатывал по $90\frac{3}{7}$, а мальчик $45\frac{3}{8}$ пуд. нередко из 230-саженного расстояния. Если положить сообразно с штатами для Пермских заводов, обязательными и для заводов Подъячева, вес каждой тачки в 3 пуда, то выйдет, что полные рабочие выкатывали из 230-саженного расстояния по 30 тачек в день, а мальчики по 15 тачек. А между тем теми же штатами и урочными положениями положено одному полному работнику выкатать из расстояния не свыше 75 сажен только 12 тачек или 36 пуд. руды и породы. Следовательно, и в этом случае взыскивался с рабочего урок более против положенного штатами в два с половиною раза по числу пудов или тачек при тройном расстоянии забоя или места добычи руды, от места отвала ее, а с мальчиков 13 и 14-летнего возраста, которые на основании существующих узаконений вовсе не должны быть употребляемы в работу в подземельных выработках, взыскивался урок, гораздо больший в сравнении с положенным для взрослого работника, именно на одну пятую часть по числу пудов или тачек при тройном расстоянии забоя от места отвала.

Из представления оренбургского гражданского губернатора вашему высокопревосходительству известно, что непомерная